

Проходя мимо «Сюйюань», Ли Цзюньюй зашёл внутрь, чтобы купить с собой сладостей.

Один лисьего вида мужчина увидел, как Ли Цзюньюй вошёл и вышел с покупками, и сразу возмутился:

— Почему он не стоит в очереди? Вы же сами говорите, что в вашем «Сюйюань» должен стоять каждый, неважно кто! Вы так очевидно проявляете favouritism, не боитесь потерять клиентов?

— Да, да! — раздались голоса в поддержку. Было холодно, очередь не двигалась, и эти слова вызвали волну жалоб.

Менеджер взглянул на людей на улице и сказал:

— Наш владелец забирает товар, в этом что-то не так? Если не хотите покупать — не покупайте, уступите место другим. Сказав это, он не добавил ни слова и ушёл.

Кто-то из толпы подтолкнул того, кто только что жаловался:

— Ты же считаешь это несправедливым? Уходи, я готов стоять.

— Несправедливо, так несправедливо, и что с того? — тот покраснел, упрямо стоя на месте. Смешно, он уже почти доплелся до начала очереди, уходить сейчас было бы глупо. Ради еды он готов потерпеть парочку замечаний.

Но Ли Цзюньюй ничего не знал об этом фарсе, да и если бы знал, это бы его не тронуло. Максимум, он бы закрыл эту лавку. Она была открыта ради Оу Хэна, так что можно было просто привезти еду домой. Главное, чего опасался Ли Цзюньюй — чтобы Оу Хэн не переел, ведь это вредно для желудка.

Ли Цзюньюй принёс сладости домой. Сегодня у Оу Хэна был не только десерт, но и возможность рисовать вместе с Ли Цзюньюем, от чего его настроение было просто прекрасным.

Второй снег запоздал.

Но всего за одну ночь земля укрывалась толстым ковром, а за окном продолжал слышаться тихий шелест падающих снежинок.

— Снеговик, снеговик, снеговик... — Оу Хэн проснулся утром, увидел за окном пейзаж и не выдержал. У него чешутся руки, он хочет слепить снеговика.

Ли Цзюньюй успокоил его, погладив по голове:

— Ладно, пойдём после обеда. — Затем он сказал в телефон:

— Папа, с этим вопросом всё так, я попрошу Ли Ганя отправить тебе данные. Спасибо, что уделили время. Ли Цзюньюй закончил и повесил трубку.

— Этот мерзкий мальчишка, кто тут вообще папа? Весь день мной командует! Я уже старый, а он заставляет меня зимой в командировку уезжать. Жена, ты же не позволишь сыну так со мной обращаться? — Ли Хаочэн повис на Ли Юэ'эр, стараясь уговорить её взять его с собой, чтобы превратить поездку в отпуск.

Ли Юэ'эр бросила на него косой взгляд и продолжила разглядывать каталог зимней одежды

для Оу Хэна:

— Я одна могу родить сына, так зачем ты мне нужен?

— Жена, я...

— Собирай вещи и уезжай, а если сорвёшь дела Цзюньюя — не возвращайся. — Ли Юэ'эр смерила его взглядом. — Цзюньюй должен быть с Эр-эром, откуда у него столько времени? А ты что, шевелиться не можешь? Весь день сидишь дома, посмотри на себя, ты растолстел. — Ли Юэ'эр выразила недовольство: вместо шести кубиков пресса осталось только четыре.

.....

Он был жертвой, почему он ещё должен страдать и слышать упрёки?

— Я тоже хочу быть с женой... — Ли Хаочэн попытался ещё побороться.

— Твоя компания мне не нужна. Вернёшься, когда у тебя снова будут шесть кубиков пресса.

.....

Ли Хаочэн с поникшим видом поднялся наверх, посмотрел на себя в зеркало в гардеробной, ущипнул живот. Жира нет, фигура не испортилась. Эх, действительно, дальше кислое, а близкое — мило!

Ли Хаочэн, таща чемодан, отправился в командировку!

— Как я буду лепить снеговика, если ты закутал меня, как пингвина? — Оу Хэн был очень недоволен тем, что Ли Цзюньюй укутал его. Он мог только переваливаться с боку на бок, руки вообще не двигались.

— На улице холодно, так ты не обморозишься. Если застудишь, потом каждый год будут рецидивы. — Ли Цзюньюй терпеливо объяснял, надев на Оу Хэна пушистую шапку и кожаные перчатки, и только после этого повёл его в сад.

Ян Хань и Оу Кэ были в студии, тётушка Минь хлопотала на кухне, Ли Цзюньюй вёл Оу Хэна во двор, держа в другой руке лопату.

— Как много снега~ — Оу Хэн, словно человек, никогда не видевший снега, с наслаждением зачерпнул пригоршню снега.

Оу Хэн скатал снежок, оглянулся по сторонам и, увидев, что Ли Цзюньюй усердно чистит снег и не смотрит на него, метнул маленький снежок прямо в спину Ли Цзюньюя.

— Ха-ха-ха, Гого, давай устроим снежный бой! — Оу Хэн держал в каждой руке по снежку, смеялся до слёз, довольный как никогда.

Ли Цзюньюй, получив попадание, не шевельнулся, не обернулся и ничего не сказал — он просто упал.

— Гого, что с тобой? — Оу Хэн выронил снежки и неуклюже побежал к нему, глаза покраснели от волнения.

— Тётушка Минь, папа, вы, вы идите скорее... Гого, ты... — в порядке ли?

— Дорогой, ты попал мне прямо в сердце, нужно поцеловать, чтобы я смог встать.

Услышав крик Оу Хэна, тётушка Минь как раз выходила на крыльцо с тряпкой для мытья посуды, вся в мыле. Услышав слова Ли Цзюньюя, она тут же развернулась и вернулась на кухню. В такой холод выходить смотреть на их прелести — ей совсем не хотелось.

— Виноват ты, во всём виноват ты, тётушка Минь наверняка смеётся надо мной... — Оу Хэн, покраснев, хлопнул Ли Цзюньюя по руке. Боже мой, что он натворил, тётушка Минь точно смеётся, как теперь смотреть ей в глаза? Оу Хэн поднял взгляд к небу.

И тут он заметил своих двух пап, стоящих у окна студии на втором этаже. Оу Хэн закрыл глаза ладонью и опустил голову — теперь ему действительно было стыдно.

— Вот так, Ли Цзюньюй уже взрослый человек, а всё ещё так пугает Эр-эра, а вдруг он действительно испугается? — Оу Кэ посмотрел на Ли Цзюньюя очень неприязненно. При нём так заигрывать с его сыном — кисть в его руке этого не одобрила.

— Сам уже взрослый, а всё ещё лезешь в их дела. Это их моменты нежности, зачем ты так смотришь? Иди рисуй. — Ян Хань потащил Оу Кэ от окна.

Ян Хань посмотрел на Оу Кэ: столько лет вместе, а у них, кажется, уже давно не было такой романтики.

— Хань-хань, я... — Оу Кэ тоже почувствовал, что что-то не так.

— Рисуй свой рисунок. Посмотри, как они романтичны? Цзюньюй каждый день устраивает Эр-эру сюрпризы, а Эр-эр каждый год рисует для него столько картин. А ты? Каждый год одно и то же: поесть, годовщина — поесть, день рождения — поесть, праздник — поесть и поесть...

Пока Ян Хань не сказал, он не замечал, но начав, почувствовал себя всё более обиженным.

Оу Кэ: .....

Разве не ты говорил, что не нужно каждый год рисовать? Вот мы и пошли ужинать, всего один год, но я ведь дарил цветы, ладно?

Оу Кэ опустил голову и промолчал. Он знал: единственным последствием разговора сейчас станет сон в кабинете, стояние на коленях на пульте от телевизора, без права на условия.

— Хань-хань, я виноват...

— Как и ожидалось, мужчины любят новизну.

Оу Кэ: Хань-хань, ты тоже мужчина.

— Слушай меня внимательно: если в этом году на годовщину свадьбы ты не придумаешь ничего особенного, то будешь спать в кабинете до следующей годовщины, пока я не буду довольна. — Ян Хань считал, что человека к этому нужно принудить.

— Хань-хань, я, ты, мы... — Оу Кэ попытался объяснить, но Ян Хань уже вышел, хлопнув дверью.

Оу Кэ в отчаянии смотрел на люстру на потолке. Во всём виноват этот маленький засранец Ли Цзюньюй! Ему бы делать что-нибудь полезное, нет, он устраивает романтику. Теперь всё

пропало: вместо того чтобы мило рисовать вместе и иногда поцеловаться, получилось вот что. Ли Цзюньюй — настоящее бедствие!!

— Ну что, дорогой, какого будем делать? — Ли Цзюньюй собрал снег в кучу, сформировав куб, пусть и не совсем правильной формы. Весь снег со двора был свален в одну кучу, доходившую Ли Цзюньюю до груди.

— Спасибо, Гого, тиа~. — Оу Хэн был очень доволен, оставив мокрый след на щеке Ли Цзюньюя, а потом взял маленькую лопатку, которую тот ему дал, и начал аккуратно убирать лишний снег.

Постепенно форма стала проступать, и Ли Цзюньюй сразу узнал себя. Это была Q-версия него, которую Оу Хэн когда-то нарисовал. Она была очень милой, но явно не похожей на настоящий облик. Оу Хэн хранил этот рисунок в тайне, и никто, кроме него, его не видел. Но, подумав, Ли Цзюньюй понял, что такого количества снега как раз хватит только для этого. Поскольку образ был уже в голове, как и при рисовании, всё было продумано заранее, и дело шло быстрее, не нужно было ничего придумывать на ходу. Снеговик получился круглым и милым.

<http://bllate.org/book/16768/1541310>